

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ

Боров А. Х., Муратова Е. Г.

*ГОУ ВПО Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик
Нальчик, Россия (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173), e-mail: lena_gm@mail.ru, aslanborov@gmail.com*

В статье рассмотрены основные направления и концептуальные итоги изучения проблемы коэволюции общества и систем власти на Северном Кавказе в условиях перехода от традиции к имперской интеграции и модернизации XIX – начала XX в. Ее историография складывается из совокупности исследований нескольких крупных тематических узлов: 1) типологии и уровня развития традиционной социально-политической организации народов Северного Кавказа; 2) путей и форм их вхождения в состав России, в том числе природы и исторического места Кавказской войны; 3) становления и развития российской системы управления на Северном Кавказе; 4) совокупности аграрных и социальных преобразований эпохи реформ 1860–70-х гг.; 5) социально-экономической и культурной эволюции народов Северного Кавказа в пореформенный период. Структура предметного поля и основной набор концептуальных подходов к проблеме, сложившиеся в рамках имперского и советского периодов развития кавказоведения, сохраняет свою устойчивость до настоящего времени. Но в современном научном дискурсе методологический плюрализм переплетается с идейно-политическим плюрализмом, поляризованным между крайностями этно-националистических и нео-имперских интерпретаций. Назрела необходимость поставить в качестве целостной, самостоятельной фундаментальной задачи современного исторического кавказоведения исследование основных аспектов соотношения и взаимодействия общества и власти на Северном Кавказе XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Северный Кавказ, общество, власть, кавказоведение, XIX – XX вв.

SOCIETY AND POWER SYSTEMS IN THE NORTH CAUCASUS IN XIX AND BEGINNINGS OF XX CENTURY: SUBJECT FIELD AND CONCEPTUAL FRAMEWORK OF THE STUDIES IN RUSSIAN CAUCASOLOGY

Borov A. H., Muratova E. G.

*Kabardin-Balkar state university, Nalchik, Russia (360004, Nalchik, 173, Chernyshevsky street), lena_gm@mail.ru
aslanborov@gmail.com*

Under consideration in the article are major trends and conceptual underpinnings of studies in the field of the issues related to the coevolution of the society and power systems in the North Caucasus in the course of transition from tradition to imperial integration and modernization through the XIXth and the beginnings of XXth century. Historiography of these issues are formed by the aggregate of researches in a number of large thematic clusters, that of: 1) typology and levels of North Caucasus peoples' sociopolitical organization; 2) paths and forms of their inclusion into Russia, particularly the historical nature and meaning of the Caucasian war; 3) formation and development of the Russian imperial system of government in North Caucasus; 4) a set of agrarian and social transformations during the great reforms of 1860–1870s; 5) socio-economic and cultural evolution of North Caucasus peoples in post-reforms period. This structure of subject field and the basic range of conceptual approaches worked out within imperial and soviet period of the development of Caucasus studies proved to be unchanged up to present times. But in contemporary scientific discourse methodological pluralism is contaminated with ideological and political pluralism, which is polarized between the extremes of ethno-nationalist and neo-imperial interpretations. It is necessary this time to conceive the main aspects of interrelation and interaction between society and power systems in the North Caucasus during XIX and the beginnings of XX century as definite, specific and fundamental issue of modern studies in the history of North Caucasus.

Keywords: North Caucasus, society, power, Caucasian studies, XIX - XX centuries.

Анализ содержания и логики современного общественного дискурса по проблемам Северного Кавказа показывает, что он фокусируется вокруг двух полюсов аргументации: власть как субъект политики, носитель государственного интереса и целеполагания и

общество как объект политики, носитель специфических характеристик, источник проблем. Общим местом в обсуждениях северокавказской тематики в рамках современного общественного дискурса являются ссылки на исторические корни современных коллизий и проблем. Но следует различать влияние «исторического фактора», воплощенного в историческом измерении актуального общественного сознания (то, что обычно называют «исторической памятью»), и «исторического фактора» в его объективной ипостаси, то есть в виде устойчивых структур и отношений, унаследованных от прошлого. Эти аспекты исторической связи прошлого и современного политического опыта недоступны для непосредственного восприятия общественным сознанием, не могут быть в готовом виде извлечены из «исторической памяти». Они должны быть предметом специальных научных исследований и теоретических обобщений [5]. Необходимым элементом такого рода исследований является подведение концептуальных итогов историографического изучения указанной проблемы.

Между тем обзор основных трудов, воплощающих наиболее влиятельные подходы и существенные результаты, из которых складывалась научная традиция исторического кавказоведения, обнаруживает, что взаимодействие общества и власти на Северном Кавказе в XIX – начале XX века не стало предметом научного изучения в качестве самостоятельной и целостной проблемы. В этом смысле она не имеет собственной историографии, а выступает, скорее, как совокупность «историографий» нескольких крупных тематических узлов: 1) типологии и уровня развития традиционной социально-политической организации народов Северного Кавказа; 2) путей и форм их вхождения в состав России, в том числе природы и исторического места Кавказской войны; 3) становления и развития российской системы управления на Северном Кавказе; 4) совокупности аграрных и социальных преобразований эпохи реформ 1860–70-х гг.; 5) социально-экономической и культурной эволюции народов Северного Кавказа в пореформенный период. Такая структура предметного поля исторического кавказоведения применительно к периоду XIX – начала XX века складывалась постепенно, по мере оформления самих исторических явлений, но она сохранила свою устойчивость в рамках советской историографии, которая имела гораздо больше общего с дореволюционной историографией, чем готова была признавать. В советский период добавились только две сюжетные линии: общественная мысль (просветительство) народов Северного Кавказа и проблематика участия народов региона в революционном движении и революциях начала XX в. При этом научный интерес к исследованию отдельных проблемно-тематических узлов проявлялся крайне неравномерно и во многом зависел от общественно-идеологических условий того или иного этапа в развитии российской науки о Кавказе. В условиях современного этапа развития исторического

кавказоведения формируется новая система взаимодействий между различными концептуальными традициями.

По первому из указанных тематических узлов подавляющее большинство российских кавказоведов XIX в. следовало своеобразной политико-этнологической парадигме. Комплекс ее установок и положений включал в себя подчинение этнографического описания целям распространения русского владычества в крае, констатацию отсталости общественного развития горских народов, их пребывания в состоянии «первобытности», «младенчества», тесную и в то же время амбивалентную взаимосвязь социальных структур и систем власти и управления. Во второй половине XIX века в рамках сложившейся политико-этнологической парадигмы намечаются две тенденции. Первая из них связана с повышением значимости просветительского ее толкования. Вторая – с переносом исследовательских акцентов на анализ социальных структур и институтов и утверждением социоисторизма в его позитивистском варианте [4].

Советская историография продолжила традицию социоисторизма уже в марксистском, формационном его варианте. В 1930-е гг. этот подход получает развитие. Теперь он нацеливается не только на подведение социальных форм, бытовавших на Северном Кавказе, под общие формационные категории, но и на выявление присущих им специфических черт. Формулируется «большая проблема» советского кавказоведения – проблема «своеобразия докапиталистических отношений у горцев», которая до самого конца советской эпохи сохраняла свое ключевое значение для исторического кавказоведения. Вплоть до 1950-х гг. имел место значительный разброс в оценках между полюсами родового устройства и зарождения элементов капитализма в тех или иных северокавказских обществах. Но к концу десятилетия утверждается относительно «сбалансированное» представление об общественном строе практически всех народов Северного Кавказа к началу XIX в. как о строе, сочетавшем в том или ином соотношении феодальные и патриархальные начала. Но тем самым отнюдь не снималась «большая проблема» советского кавказоведения. В практике исследований и обобщающих интерпретаций она проявлялась в том, что «феодальное» было тем, что ученые искали, а «патриархально-родовое» – тем, что они не могли игнорировать в общественном строе народов региона.

Часть трудностей, которые при этом возникали, вполне осознавалась исследователями. В дальнейшем было сделано немало, чтобы наполнить формационные категории конкретным социально-правовым содержанием, привязанным к условиям различных хозяйственно-культурных ареалов. С точки зрения описания и анализа социальных отношений ключевое значение имело все более углубленное и детальное изучение обычного права народов Северного Кавказа. С точки зрения объяснения специфики

формирования и функционирования феодальной собственности на землю упор делался на характер экономического базиса (типы и соотношение земледелия и скотоводства, обусловленные, в свою очередь, природно-географическими факторами). Но, в конечном счете, вся эта работа сводилась к развернутым иллюстрациям, подтверждению и частичным уточнениям устоявшейся концепции. Таким образом, к концу 1980-х годов, накопление конкретно-научных результатов в изучении общественного строя народов Северного Кавказа XIX в. сочеталось с концептуальным застоем.

Процесс международно-правовой фиксации и фактического вхождения народов Кавказа в состав Российской империи растянулся на сто лет и вплоть до конца XIX века анализ проблем, путей и форм этого вхождения оставался доминантой общественного и научного интереса к региону. Уже в 1860 г. в обиход вводится понятие «кавказская война» как обобщающая формула для выражения сути происходящего. В дореволюционном российском кавказоведении, безусловно, доминировал имперский подход, который соединял геополитическое обоснование неизбежности российского продвижения на Кавказ и культурно-цивилизационное обоснование необходимости именно военного покорения горских обществ, лишенных начал гражданственности и основанных в значительной степени на «хищничестве».

Советская историография на этапе своего становления резко противостояла базовым положениям имперской концепции. Утвердившаяся к концу 1950-х гг. официальная трактовка природы Кавказской войны носила сложный и компромиссный характер. Она соединяла осуждение колониального гнета царизма и признание присоединения к России Северного Кавказа прогрессивным актом; признание антиколониального и антифеодального характера движения горцев и наличия реакционных черт мюридизма; отказ от версии об агентурном происхождении Кавказской войны и учет влияния внешнеполитических факторов. Такая формула могла существовать в виде концептуальных акцентов, расставляемых в различных исторических работах, но она не составляла целостной синтезной концепции. Отсюда трудности ее обобщенного представления. Этот факт отражал не только историографическую ситуацию или несостоятельность официальной советской концепции, но и сложность, неоднозначность исторического явления, которое данная концепция призвана была объяснить.

Проблематика становления и развития российской системы управления на Северном Кавказе начала складываться в контексте дореволюционной историографии Кавказской войны. Первоначально она имела форму обсуждения невоенных средств покорения горцев Кавказа и проектирования послевоенного устройства края. Но вопрос о достижимости социально-культурного синтеза после военного «замирения» края получал различные

трактовки, как оптимистические, так и пессимистические. Вся сравнительно небольшая дореволюционная историография этого вопроса размещается в этих концептуальных рамках. Несмотря на общий ее крен в сторону описательности, необходимость проведения в регионе административно-судебных реформ в 1860–70-е гг. и трудности, возникшие на этом пути, имели своим результатом формирование ее аналитического проблемного ядра. Это был вопрос о формах и пределах сочетаемости элементов российского общегражданского управления и традиционных институтов местных обществ в процессе интеграции народов Северного Кавказа в административно-политическую систему Российского государства.

В советском кавказоведении указанная проблематика оставалась на периферии исследовательских интересов, а начало более интенсивного изучения данного предметного среза с 1970-х гг. не означало признания фундаментального характера соответствующих проблем. Вместе с тем его исследовательское освоение отражало дальнейшее ослабление жесткой императивности упрощенного классового подхода и возрождение элементов позитивистской интерпретации национальной истории России.

Совокупность аграрных и социальных преобразований эпохи реформ 1860–70-х гг., равно как ход и результаты дальнейшей социально-культурной эволюции народов Северного Кавказа в дореволюционный период не успели стать объектом академического интереса историков, хотя современные специалисты говорят порой о дореволюционной историографии реформ и пореформенного развития в регионе. В концептуальном плане дореволюционная литература по проблеме дифференцируется в зависимости от имеющихся в ней оценок адекватности и эффективности проведенных аграрных и социальных преобразований.

В советский период историография реформ 1860–1870-х гг. и пореформенного развития Северного Кавказа характеризуется противоречивыми тенденциями. С 1950-х гг. был введен в оборот обширный корпус источников и были выполнены исследования опыта реформ и пореформенного развития практически во всех республиках [8]. Но с концептуальной точки зрения правомерно говорить об ограниченности и застойности предложенных в ней исторических интерпретаций. Они сводятся к постулированию единства содержания общероссийской и региональной политики государства в эпоху реформ, общей направленности социально-экономического развития центра страны и ее северокавказской окраины в пореформенный период.

Реформы на Северном Кавказе рассматривались как продолжение отмены в 1861 г. в России крепостного права, в результате которой произошла смена феодально-крепостнической системы капиталистической. В свою очередь поиск показателей буржуазного развития, стремление оценить уровень этого развития, степень зрелости

«капиталистического уклада» или даже «капиталистического способа производства» составили главное содержание советской историографии пореформенного периода в истории народов Северного Кавказа. Несмотря на накопление значительного массива научных данных по различным аспектам и локальным вариациям социально-экономического развития убедительные общезначимые результаты не были получены.

В новейшей литературе проблематика стадильно-типологической характеристики общественного строя народов Северного Кавказа сохранила высокую степень преемственности по отношению к историографической традиции, как советской, так и дореволюционной. В центре внимания исследователей остался вопрос об «уровне» общественного развития, а более конкретно – о степени зрелости и особенностях феодализма. Но в работах ряда авторов существенно конкретизированы представления о феодализме у некоторых народов региона. Обсуждение же общественного строя народов горного Дагестана, Чечни и Северо-Западного Кавказа в целом оказалось тесно связано с интерпретацией социальных аспектов Кавказской войны.

Вместе с тем в работах В. Х. Кажарова [6], М. А. Агларова [1], Ю. Ю. Карпова [7] тезисы о зрелости феодальных отношений и вотчинном структурном принципе как основе социальной организации традиционной Кабарды, о неоднородности социальной структуры «вольных» обществ нагорного Дагестана и общине как «непервобытной» социальной организации вторичной формации соединяются с признанием застойности и тупиковости феодальной системы в Кабарде, чрезвычайной прочности и самодостаточности общины в нагорном Дагестане, полноценную функциональность которой не разрушали результаты феодализации социальных отношений. С другой стороны, акцентируя динамизм, революционный характер социально-политических трансформаций в обществе горцев Большого Кавказа, М. М. Блиев оценивает их общественные системы как архаичные, соответствующие эпохе военной демократии и зарождения раннефеодальных отношений [2]. Таким образом, рассматриваемая проблема остается весьма сложной для решения в тех концептуальных рамках, которые преобладают в современной литературе.

Наиболее выраженной чертой историографического процесса на рубеже 1980–1990-х гг. была резкая актуализация проблематики путей и форм вхождения народов Северного Кавказа в состав Российского государства. Едва ли не все вопросы, связанные с этими процессами, являются на сегодняшний день дискуссионными. Можно согласиться с тем, что данная ситуация связана с существованием и соперничеством трех историографических традиций: российской имперской традиции, традиции сторонников движения горцев и геополитической традиции. Высказывалось мнение, что само существование трех этих направлений образует к рубежу XXI в. настолько замкнутое пространство, что дальнейшее

нормальное развитие исторических исследований в этом направлении сильно затруднено, поскольку «противостояние историков упорно вращается вокруг вопроса “Кто виноват?”» [9, с.67].

Но это не означает, что итогом развития основных историографических традиций изучения Кавказской войны является концептуальный тупик, ничего не дающий для дальнейших научных поисков. Различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга, делая возможной ее комплексную интерпретацию как формы и стадии социально-политической эволюции всех народов Северного Кавказа. Историческая траектория конкретных социально-исторических организмов определяется не только универсальными законами социальной эволюции, но и характером их взаимодействия с социально-культурным окружением. Поскольку это взаимодействие носит достаточно плотный и длительный характер (как это было в ходе Кавказской войны), постольку для локальных обществ оно является не предметом осуществляемой ими политики, а частью претерпеваемой ими социальной эволюции.

Если исходить из действительных результатов Кавказской войны, то содержание этой стадии в социально-политической эволюции народов и обществ Северного Кавказа в целом можно определить как кардинальный сдвиг в соотношении общества и власти. На «довоенном» Северном Кавказе в обществах всех типов «власть» не была отделена от «общества», не была оформлена в особую систему институтов. Возможности влияния власти на общество, выходящие за пределы социально-правовой традиции, т.е. осуществления преобразований, были минимальны. Шаг за шагом в ходе войны и окончательно по ее завершении на Северном Кавказе утвердилась независимая от местного общества и стоящая над ним власть, которая определяла и меняла условия и административно-правовые механизмы функционирования общества и ориентиры его дальнейшего развития.

Осмысленная таким образом проблематика Кавказской войны прямо смыкается с исследованием иных аспектов включения региона в социально-политическую систему Российской империи и, прежде всего, административной политики, становления и эволюции системы управления на Северном Кавказе. В 1990–2000-е годы эти аспекты превратились в предмет повышенного общественного интереса и самостоятельную область научных исследований. В концептуальном плане наибольший интерес представляют попытки ряда авторов рассмотреть проблематику становления и развития имперской системы управления на Северном Кавказе сквозь призму взаимодействия социокультурных систем. Российский административно-судебный аппарат рассматривается как определяющий фактор в процессе модернизации общественного быта горских народов [3].

В целом, концептуальные итоги изучения обсуждаемой проблемы в российском историческом кавказоведении можно суммировать следующим образом. Сохраняется устойчивая структура обозначенного выше проблемного поля данной области исследований. В современном научном дискурсе воспроизводятся практически все концептуальные традиции, сложившиеся в имперский и советский периоды, с добавлением некоторых новых подходов, таких как социокультурный (цивилизационный) анализ, теория границы, теория модернизации. Методологический плюрализм переплетается с идейно-политическим плюрализмом, поляризованным между крайностями этно-националистических и неоимперских интерпретаций.

Хотя современное состояние региональной северокавказской историографии оценивается, как правило, критически, следует отметить, что для профессиональных историков, следующих академическим стандартам исследовательской практики, открываются благоприятные перспективы дальнейших исследований. Было бы полезным в связи с этим ввести в оборот в качестве самостоятельной, целостной научной проблемы вопрос о соотношении и эволюции форм взаимодействия общества и власти у народов Северного Кавказа на переходе от традиции к имперской интеграции.

Список литературы

1. Агларов М. А. Сельская община под реформами XIX – первой трети XX в. // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V– начала XX в. Т. II. В царской и ранней советской России / Сост. В. О. Бобровников. М.: Изд. дом Марджани, 2009. С.26-40.
2. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
3. Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осетин. гос. ун-та, 2005. 358 с.
4. Боров А. Х. Общество и власть на Северном Кавказе: основные подходы и концепции в российском кавказоведении XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 12 (2). С.9-17.
5. Боров А. Х., Муратова Е. Г. Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С.157-166.
6. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.
7. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 655 с.

8. Кузьминов П. А. Эпоха преобразований 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2011. 536 с.

9. Олейников Д. И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия: Сб. стат. / Сост. Г. Г. Лисицына, Я. А. Гордин. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2001. С.67-88.

Рецензенты:

Бгажноков Б.Х., д.и.н., профессор, директор института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г.Нальчик.

Якубова И.И., д.и.н., старший научный сотрудник отдела истории института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г.Нальчик.